

Школьный этап Всероссийской олимпиады по литературе
9 класс

2023-2024 учебный год Продолжительность
олимпиады – 120 минут.

№ задания	1	2	Сумма
Макс.балл	35	40	75
Балл			

Задание 1. [35 баллов] ПЕРЕВОД С РУССКОГО НА РУССКИЙ.

Текст одного из известных русских стихотворений был переведён компьютером последовательно на несколько языков, а затем обратно на русский. Перед вами отредактированный вариант этого «перевода». Прочитайте его, выполните задания.

*Ураган темнотой небеса обложил,
Снеговые столбы завертел-закрутил,
И, подобно зверям, он рычит,
И, подобно младенцам, вопит.*

*Шевели т черепицу на старенькой крыше
Так, что ва лятся части строения вниз,
И в окошко дубасит бесстыже,
Как подчас загулявший турист.*

*В нашей хижине грустно и очень темно.
Что печально глядишь ты в глухое окно,
Молчаливая бабка моя?..*

1. [10 баллов] Узнайте оригинал. Напишите **две первые строфы** (16 строк) «переведённого» стихотворение в оригинале. Укажите имя автора и название стихотворения.
2. [10 баллов] Отметьте формальные (количество строк, размер) и содержательные отличия «перевода» от оригинала.

Можете начертить таблицу по образцу, чтобы отличия были заметнее.

3. [15 баллов] Удачен ли оказался «перевод»? Какой текст вам больше понравился? Напишите об этом в 5–7 предложениях. Подтвердите своё мнение примерами.

Задание 2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 300–350 слов. Указание на объём условно, считать слова не нужно.

Вариант 1. Прозаический текст.

Юрий Иосифович Коваль (1938–1995)

ЧАЙНИК

Меня не любит чайник.

Тусклыми латунными глазами целый день следит он за мною из своего угла. По утрам, когда я ставлю его на плитку, он начинает привывать, закипает и разъяряется, плюётся от счастья паром и кипятком. Он приплясывает и грохочет, но тут я выключаю плитку, завариваю чай, и веселье кончается. Приходит Петрович. Прислоняется к шкафу плечом.

– Неплатёж, – говорит Петрович.

Это неприятное слово повисает в воздухе между чайником, мною и Петровичем.

Мне непонятна реакция чайника. Нравится ему это слово или нет? На чьей он стороне? Со мною он или с Петровичем?

– Длительный неплатёж, – говорит Петрович.

Холодным взглядом чайник окидывает меня и отстраняется. Если он не с Петровичем, то и не со мной. Висящее слово его не беспокоит. Ему наплевать на мои затруднения. Он и без меня проживёт.

– Когда заплатишь? – спрашивает Петрович.

– Понимаешь, – объясняю я, – меня не любит чайник.

– Кто? Это который вчера приходил? Чего это вы орали?

– Чайник, Петрович. Который вот он, здесь стоит. Вот этот, латунный.

– А я думаю, чего они орут? Наверно, деньги завелись. Дай, думаю, зайду.

Пора за квартиру платить.

– У меня с ним странные, очень напряжённые отношения, – жалуюсь я. – Он постоянно следит за мной, требует, чтобы я его непрерывно кипятил. А я не могу, пойми! Есть же и другие дела.

– И колбаса осталась, – удивляется Петрович, глядя на стол, не убранный с вечера. – До двух часов орали! Я уж думаю, как бы друг друга не зарезали. Я включаю плитку, и чайник сразу начинает гнусавить.

– Вот слышишь? Слышишь? погоди, ещё не то будет, – говорю я.

Петрович меня не слышит. Он слушает свой внутренний голос.

А внутренний его голос говорит: «Чего слушать? Надоело! Плати или съезжай!»

Чайник отчего-то замолкает, бросает гнусавить и, тупо набычившись, прислушивается к нашему разговору.

У Петровича я снимаю угол, в котором несколько углов: угол, где я, где краски, угол, где чайник, угол, где шкаф, а сейчас и Петрович со своим внутренним голосом, который легко становится внешним:

– На колбасу деньги есть! Колбаска, хлеб, культурное обслуживание, орут до четырёх утра! А нам преподносят неукоснительный неплатёж!

Почему молчит чайник? Делает вид, что даже и не слыхивал о кипении.

– Молчит, – поясняю я Петровичу. – Нарочно молчит, затаился. И долго ещё будет молчать, такой уж характер.

– А то сделаем, как прошлый раз, – намекает Петрович.

Ну и выдержка у моего чайника! Плитка электрическая раскалилась, а он нарочно не кипит, сжимает зубы, терпит и слушает. Ни струечки пара не вырывается из его носа, ни шёпота, ни бульканья не доносится из-под крышки.

А в прошлый-то раз было сделано очень плохо. За длительный трёхмесячный неплатёж Петрович вынес мои холсты и рисунки во двор, построил из них шалашик и поджёг. Холсты, говорят, разгорались плохо, и особенно не разгорался натюрморт с чайником. Такую уж залепил я на нём фактуру с песком и толчёным кирпичом. И Петрович отбросил его, чтоб не мешал гореть бумаге. Опалённый и осыпанный пеплом, метался я по городу и не знал, что делать. Выход был один: Петровича убить.

– Слушай, что с твоим чайником? Чего он не кипит? – говорит Петрович. Нервы у чайника натянуты до предела, он цедит сквозь носик тонкий, как укус осы, звук.

Я отодвигаюсь подальше. Знаю, что с моим чайником лучше не связываться, он беспредельник. Может выкинуть любую штуку.

– Или плитка перегорела? – говорит Петрович и подходит к чайнику.

– Осторожно, – говорю я. – Берегись!

Петрович отдёргивает руку, но поздно. Крышка срывается с чайника.

Раскалённые ошмётки пара, осколки кипятку летят в Петровича. Он ослепленно воет и вываливается на кухню, суёт голову под кран.

Чайник веселится, плюётся паром во все стороны, приплясывает, подпрыгивает и победно грохочет.

Надо бы, конечно, выключить плитку, посидеть и подумать, как же мне жить дальше. Как жить дальше – неизвестно, а чайник, ладно, пускай пока покипит.

(1966)

Вариант 2. Поэтический текст.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892)

* * *

Какая грусть! Конец аллеи

Опять с утра исчез в пыли,

Опять серебряные змеи

Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,

В степи всё гладко, всё бело,

Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвящённым только зримо
Цветёт весна и красота.

(1862)